

Книги Алексея Пехова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ
ТЁМНЫЙ ОХОТНИК
ПЕРЕСМЕШНИК
ЛОВЦЫ УДАЧИ
ЛЕТОС**

Цикл
«ХРОНИКИ СИАЛЫ»
**КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ**

Цикл «ВЕТЕР И ИСКРЫ»
**ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЫНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР**

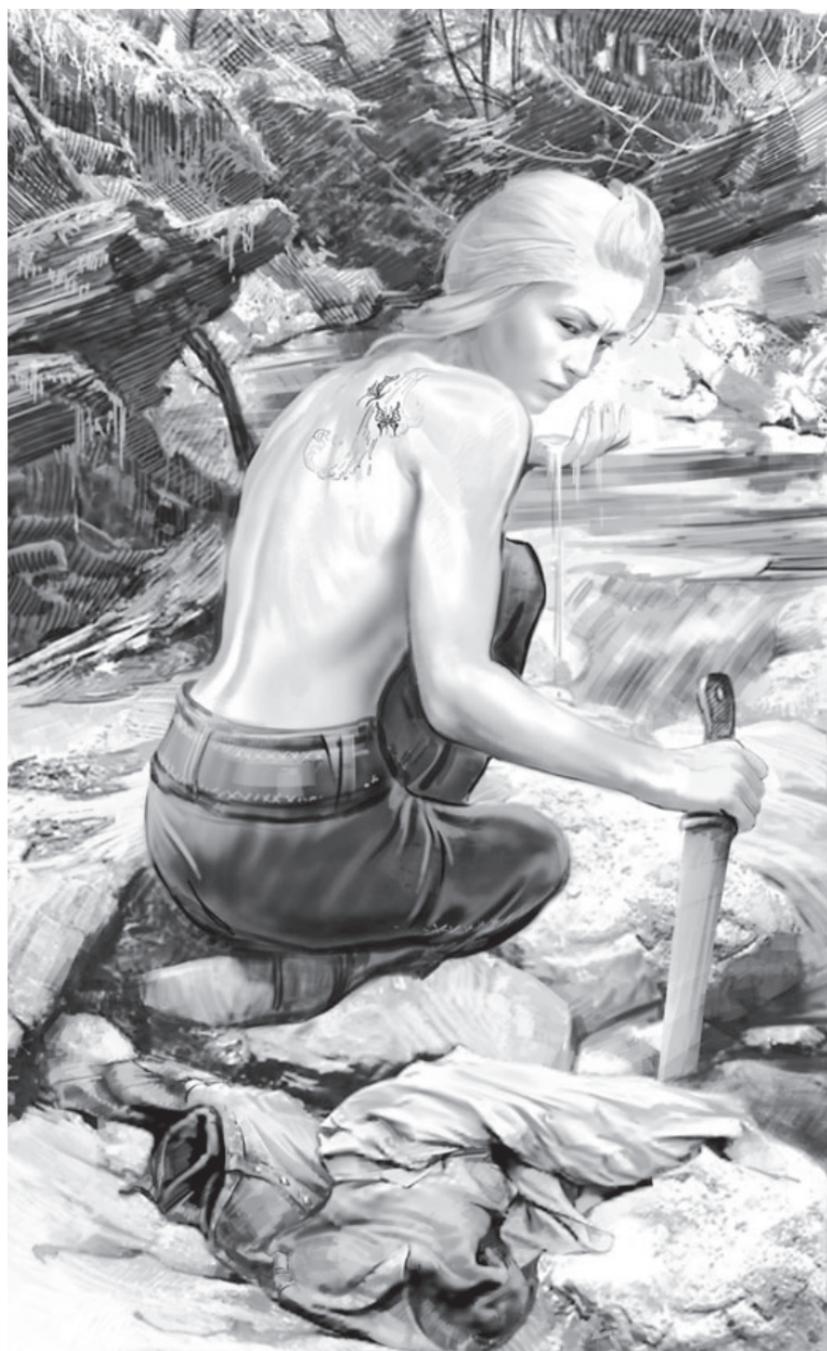
Цикл «СТРАЖ»
**СТРАЖ
АУТОДАФЕ
ЗОЛОТЫЕ КОСТРЫ
ПРОКЛЯТЫЙ ГОРН**

В соавторстве с Еленой Бычковой
и Натальей Турчаниновой
ШАНС

Цикл «ЗАКЛИНАТЕЛИ»
**ЗАКЛИНАТЕЛИ
ЛОВУШКА ДЛЯ ДУХА**

Цикл
«КИНДРЭТ»
**КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЬЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ
НОВЫЕ БОГИ**

В соавторстве с Андреем Егоровым
ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

ЛЕТОС

РОМАН

Москва, 2014
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 1992 году
Выпуск 924

Художник
В. Бондарь

Пехов А. Ю.

П23 Летос: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 376 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1858-9

Катаклизм расколол некогда Единое королевство на множество герцогств. Магия уничтожила привычный мир, великие волшебники пали, герои поставлены на колени, и нищие сели на троны. Спустя тысячу лет после этих событий время смешало правду и ложь, подарив потомкам выживших нового бога — невежество.

Летос — мрачная земля на окраине искалеченного мира, где ночь приносит беду, а мертвые охотятся на живых. Именно в этом герцогстве сходятся пути героев, которые должны оживить мифы и легенды. Чтобы вспомнить прошлое. Или забыть его навсегда.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Пехов А. Ю., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1858-9

ПРОЛОГ

Тревожная тишина растекалась по уцелевшему центру города, словно молоко из бездонного кувшина.

Медленно и неумолимо она захватывала дом за домом, улицу за улицей, квартал за кварталом. Никто не мог избежать ее объятий, и вскоре перед ней пали прекрасные золотистые дворцы с башнями, облицованными синим мрамором; великолепные вишневые сады, купающиеся в белой пене цветения; изящные мосты, выточенные из слоновой кости; широкие солнечные террасы из теплого песчаника; грандиозные фонтаны; величественные статуи прежних герцогов и обелиски с альбатросами.

Конечно же альбатросы...

Их она оставила напоследок. И волшебные создания, распахнувшие крылья, сотни лет назад обещавшие этой стране свою вечную защиту, сдались. Их глаза погасли, а свет, излучаемый перьями, померк.

Теперь уже навсегда.

Весь город, начиная от портовых кварталов и заканчивая крепостью, что высилась на утесе, под самыми облаками, пожрало белое безмолвие.

Птицы не пели, потому что их больше не было. Не были собаки — последние из них погибли еще до наступления тишины, оставшись вместе со своими хозяевами. Дети навсегда перестали смеяться и играть в веселые игры. Из далекой, теперь уже не существующей гавани не доносился бесконечный и такой привычный портовый шум.

Молчали фонтаны, и бирюзовая вода перестала падать в прекрасные чаши отделанных розовым перламутром бассейнов. Молчал ветер, устав реветь в тщетной попытке до-

кричатся до самих Шестерых. Молчало море, испугавшись своего недавнего безумства и грохота.

Оно, устыдившись собственной ярости, дрогнуло и отступило прочь, как можно дальше, обнажив серо-бурое дно, где среди грязи и водорослей трепыхалась умирающая рыба, распахивая рот в безмолвных криках агонии, а огромные алые крабы тщетно пытались забиться в расщелины морских скал, спасаясь от горячего ила.

Камни перестали трескаться и лопаться, вздохать каждую секунду, словно живые, и потеки базальта на них затвердели большими каплями.

Тишина захватила город, устроившись в нем, точно завоеватель, и никуда не собиралась уходить.

Но внезапно ее потревожили.

За розовой колоннадой, ведущей к храму Шестерых, скрытому в большом парке, под холмом, раздались шаги, а затем легкое насвистывание.

Мужчина появился там, где лежала густая тень, вышел на солнечный свет и прищурился, сунув руки в карманы. Яркое солнце ослепило его, и несколько секунд он стоял не шевелясь, давая глазам привыкнуть.

Затем повернулся на запад, глубоко вдохнул горячий, чуть пряный воздух и покачал головой. Там, на самом горизонте, за которым предпочло спрятаться море, стальными легионами скапливались черные тучи, собирающиеся нанести удар по обреченному городу.

Между бровей человека появилась едва заметная складка. Он не одобрял происходящее, и тучи, словно чувствуя это, споткнулись и замерли, врезавшись друг в друга. Огрызнулись далекими молниями, выругались громом, который из-за большого расстояния не был слышен человеческому уху.

И остановились.

Незнакомец довольно улыбнулся и отправился дальше, с любопытством поглядывая по сторонам.

От круглого здания библиотеки через светлую рощу вела дорожка, выложенная черно-белой плиткой. Она заканчивалась широкой лестницей, основание которой было украшено двумя вставшими на дыбы белоснежными крылатыми львами. Мужчина легко и непринужденно поднялся по ней,

продолжая насвистывать песенку. Несмотря на крутой и долгий подъем, он даже не запыхался.

Прямо перед ним высилась стела из редкого темно-синего мрамора. Ее вершину венчал исполинский альбатрос.

Взгляд человека встретился с хищным взглядом огромной птицы, и мужчина, сняв с головы щегольской васильковый берет, отвесил монументу немного шуточный, едва ироничный и толику насмешливый поклон.

Сейчас ему легко было смеяться над ним. Он постарался забыть ту боль, ту слабость, тот страх, что совсем недавно внушали эти стражи, помогая его врагу.

— Теперь вы прошлое.

Но птица не могла ответить ему.

Его привлек фонтан. Мраморные дельфины выпрыгивали из воды в пене и брызгах, а на их спинах восседали обнаженные девы с золотыми волосами, ничуть не похожие на холодных уин. На бортике лежал мертвый скворец с обожженными лапками.

Подчиняясь какому-то своему капризу, незнакомец склонился над ним, бережно взял в ладони и нежно подул на уже остывшее тельце. Он кинул трупик в небо, точно камень, высоко и далеко, и птичка, замахав крылышками, поспешно полетела прочь.

— Так-то лучше. — Губы непрошеного гостя тронула улыбка.

Дальше пришлось идти в обход — купол прекрасного здания, служившего казармой герцогской гвардии, провалился внутрь, убив всех, кто в этот момент находился там.

Потребовалось довольно много времени, чтобы обойти район, но он ничуть не расстраивался, так как любил город, который когда-то считал своим домом.

Рынок Жемчужных слез — самая знаменитая ювелирная улица севера — сейчас пустовал. Часть лавок была разбита, и из перевернутых лотков по земле рассыпались украшения, в том числе и знаменитые золотые жемчужины. Он даже не посмотрел на сокровища, равнодушно прошел мимо, будто под ногами лежала грязь.

Наконец человек оказался в яблоневых садах, окружавших дворец, который, казалось, был соткан из лучей солнечного света, морской пены и бирюзы. Его называли са-

мой прекрасной постройкой в мире, и даже старые эйвы, которые видели многое из того, о чем не догадывались люди, выходили из своих лесов и шли тысячи лиг, чтобы посмотреть на чудесное творение рук асторэ.

Но человек не любовался им. Здание олицетворяло все то, что он ненавидел так долго.

Яблони только-только начинали зацветать. Мужчина протянул руку к ближайшей ветке. В одной-единственной точке время ускорилося в миллионы раз — и вот уже перед ним висит красивый плод с алой, немного восковой кожей.

Он сорвал его, небрежно потер об рукав замшевой куртки, откусил и, миновав тенистую аллею, наконец-то вышел к дворцу. Площадь в виде полукруга раньше была заставлена статуями, которые сейчас упали со своих постаментов и раскололись. Голова прекрасного юноши-лучника, откатившаяся далеко от плеч, с немым укором смотрела на незнакомца, словно зная, кто виноват во всем, что здесь происходит.

Ворота во дворец оказались сорваны с петель, но проход был обвит стальной колючей лозой, толщиной в руку взрослого мужчины. Когда незванный гость приблизился, она напрыглась, натянулась, выпуская ядовитые шипы.

— Не стоит сражаться за того, кто проиграл, — с угрозой произнес мужчина.

Лоза задрожала, точно колеблясь, и, приняв решение, с металлическим скрежетом уползла в сторону, открывая вход в легендарные залы, нежно-розовые, словно морская раковина, поднятая с глубины и заключенная в хрусталь и бирюзу.

Здесь гулял легкий ветер, проникший внутрь из разбитых окон и распространявший по помещениям чуть сладковатый аромат персиков. Лишь иногда на своем хвосте он приносил едва уловимый запах едкой гари, крови и магии — призраков событий, которые здесь произошли.

Человек безошибочно находил дорогу в пустых залах, коридора и холлах. Он знал этот путь наизусть, тот снился ему множество раз. Незванный гость так долго этого ждал, что теперь шел медленно, наслаждаясь каждым шагом,

каждой секундой своего горького триумфа, пускай никто и не мог этого оценить.

Наконец он оказался на самой вершине дворца, в огромном помещении, пол которого треснул от удара, а великолепная роспись на потолке превратилась в разноцветную кляксу, словно чья-то рука вылила все краски в одно ведро и перемешала.

Витражи в высоких окнах были выбиты, и мелкие острые осколки, налившиеся кровью, лежали на полу, словно миллионы льдинок. Портьеры сгорели, статуи разрушились, дальняя стена обуглена и в одном месте прожжена насквозь. Через это рваное отверстие в зал проникал длинный, точно копьё, луч света. В нем в медленном хаотичном танце кружились снежинки.

Они появлялись из ниоткуда и исчезали в никуда. Делая воздух холодным и острым, точно нож.

Целым здесь остался лишь трон, вырезанный из причудливой глыбы хрусталя, украшенной сложным орнаментом. На троне, облокотившись о высокий поручень, сидел человек. Его левая рука оказалась целиком вплавлена в минерал, лишённая возможности пользоваться магией. Он был еще не стар, с очень светлыми, льняными волосами. Голубоглазый, с аккуратной бородой, разделяющейся на конце на две ровные половинки. И решительным, пускай и сильно уставшим лицом.

Какое-то время мужчина на троне разглядывал вошедшего, затем с гневом процедил:

— Поздравляю.

Гость впился в яблоко белыми зубами, и все его напускное дружелюбие исчезло. Больше он не веселился и не улыбался. Глаза стали колючими, злыми.

— Я пришел. Как и обещал когда-то.

— Долго же ты шел. — В голосе скованного слышалась издевка. — А те, кто был с тобой, кто предал меня, так и не добрались сюда. Ты последний. Как и я.

Тот в ответ хмыкнул, медленно двинулся вдоль стены зала, хрустя рассыпанным под ногами стеклом:

— Шаутты уничтожены и рассеяны. Больше демоны не будут служить тебе. А без них... Я думал, ты сильнее.

— Я тоже. — Казалось, что сидящему на троне больно от одной только мысли о том, что он проиграл. — Асторэ хорошо выдрессировали тебя.

Пожатие плечами.

— Тебе не стоило ее убивать. И я бы никогда не вспомнил дорогу назад. И не принял их помощь. Ты сам это начал.

— Она была врагом. Асторэ. Ее народу не место в нашем мире. Не место среди нас. Не в моей школе! Волшебство принадлежит лишь людям.

— Некоторые из них были людьми куда больше, чем мы с тобой.

Мужчина на троне рассмеялся:

— Их слова — яд, и он проник в тебя. Асторэ лживы и сделают все, чтобы вновь касаться истинного волшебства, а не грязи, которую они вынуждены черпать с той стороны. Даже подсунут одну из своих шлях моему ученику.

Копье солнечного света, бьющего сквозь брешь, погасло, и в углах зала залегли грозные тени. Иссиня-черные, похожие на клубы дыма, в которых угадывались человеческие очертания. Они начали вставать с колен, но в тот же миг исчезли, растворились в дневном свете, а лицо гостя разгладилось. На нем больше не было ни капли гнева.

— Не стоит так говорить о ней... учитель.

Голубоглазый покачал головой:

— Я тебе не учитель, враг. Ты продал и меня, и мое искусство. Пошел на меня войной ради красивых глаз. Как же прикажешь мне о ней говорить?

— Как о своей ученице. Ведь она ею была.

— Пока я не узнал правду. В ней кровь тварей! Им запрещены знания! Шестеро...

— Идиоты! — выплюнул гость. — Их запреты привели нас ко всему этому. Сколько тысяч погибло из-за их ошибки?

— Не тебе говорить о тысячах. Она обманула меня. Ела мой хлеб, жила в моем доме, пользуясь гостеприимством. Касалась знаний, которые были для нее под запретом. Я сделал то, что должен был сделать ты, глупый мальчишка! Ни Арила, ни Нейси не должны были передать мое наследие своим!

— Ты так боишься этого, — с печалью сказал гость. —

Так страшишься легенд, старых сказок о наступившей тьме, что сам впустил ее в наш мир.

Он поднял с пола тяжелую, выкованную из черного железа латную перчатку с острыми гранями, и из-под его пальцев пошел темный дым. Они оба смотрели на этот предмет какое-то время, пока наконец гость не убрал его в сумку.

— Где был твой разум, о мудрый? Это худшее, что ты мог придумать. Ты сам толкнул меня к асторэ, когда заключил сделку с шауттами. Только дурак, чтобы испугать лису, запускает в курятник леопарда. У демонов нет союзников. Ты куда большая тьма, чем я.

Голубоглазый провел языком по губам:

— Что ты с ней сделаешь?

— Превращу во что-нибудь прекрасное. А затем спрячу так, чтобы никто и никогда ее не нашел. Как ты убедил Нейси воспользоваться ею?

— Боль хорошая причина, — мстительно усмехнулся сидящий на троне.

Гость кивнул, просто отмечая, что услышал, принялся смотреть на летающие по залу снежинки. И хозяин дворца наконец не выдержал:

— Те, кого остановили Шестеро, всего лишь используют тебя.

— Я не марионетка асторэ.

— Они нашептали тебе прийти сюда! — Мужчина на троне в бессильной ярости сжал кулак правой руки.

Ученик с печалью покачал головой:

— Тогда кто нашептал тебе позвать демонов с той стороны? Ты обезумел от страха из-за спящих теней и сам пробудил их, дав шауттам власть, какой у них не было со времен Темного Наездника и Битвы на бледных равнинах Даула. Они уже в нашем мире, и города юга тонут в крови. Заключить договор с ними глупо и недальновидно. Демоны не держат своих обещаний. Ты разрушил все, что окружало тебя. Нейси, Гвинт, Кам, Войс, Лавьенда, все они мертвы! И ради чего?! Ради твоих страхов?!

Светловолосый подался вперед, нехорошо усмехаясь, отчего его красивое лицо сразу же преобразилось и стало отталкивающим, если не сказать отвратительным:

— Мы одинаковые. А магия той стороны бурлит в твоей

крови. Я же вижу. Что ты будешь делать, когда она захватит тебя?! Великий волшебник станет пустым. Ты добьешь этот мир.

Ученик склонил голову:

— Ты прав. Я тоже болен мраком.

— Я рад!

— Не сомневаюсь.

— Ты ненадолго меня переживешь!

— Ошибаешься, учитель. Когда мы закончим, я откажусь от магии.

Теперь хозяин дворца смотрел на пришедшего с недоверием:

— Ты... откажешься от самого себя?

Тот рассмеялся:

— Шестеро сделали это, когда поняли, что, обманув асторэ, собственными руками создали шауттов. Я сделаю это, чтобы не дать им власть над собой. Великие волшебники могут уничтожить мир куда быстрее, чем демоны. А я его слишком люблю. Люблю... то, что осталось. Ты так ничего и не понял. Волшебство... — Он взмахнул рукой, и воздух задрожал. — Это ничто по сравнению с ее смертью. Я с легкостью забуду о магии. Будь она проклята вместе с тобой, раз из-за нее столько гибели и страданий. Мои друзья, моя семья, моя вера, все они умерли из-за твоего страха.

Человек на троне осмысливал сказанное, но понял он совсем иное:

— Все мои труды пойдут прахом. Ты — последний. Если я исчезну, а ты отречешься, дар, который оставили нам Шестеро, исчезнет.

— Шестеро забрали волшебство у асторэ. А я заберу его у людей. Таких, как ты и... я. Мы с тобой станем прошлым. Легендой. Мифом. Страшной сказкой.

— Ты не посмеешь!

Горький смех был ему ответом:

— Не тебе теперь говорить, что я смею, а чего не смею, учитель. Все, кто оказываются рядом с нашим даром, умирают. Сегодня я остановлю смерти.

— А кто остановит тех, кто приходит к нам с той стороны? Асторэ? Между ними и шауттами давно нет никакой разницы. И не останется никого, кто мог бы их победить!

Одумайся! Наш мир изменится. Все уже никогда не будет прежним! — закричал человек на троне.

— Выгляни в окно, учитель. Ты уже изменил мир. Единное королевство уничтожено. Эпоха Процветания завершилась. Грядет Эпоха Забвения. Миру пора меняться. Жить. Дышать полной грудью, а не по нашей указке. Я сделал то, чего не мог сделать ты. Дал ему свободу.

— Свободу! — выплюнул тот. — Ты вернул в него лишь боль, страдания и ужас перед грядущим.

— Это всего лишь часть жизни. Я понял это, когда ты убил ее. А теперь твоя смерть стучится в дверь. Прислушайся.

Он ушел, и его шаги пропали, растворившись в тишине. Она продолжалась, возможно, минуту, а быть может, и час. И закончилась в тот момент, когда в город на огромной волне вернулось море.

Оно стало концом прошлого мира. И началом будущего.

Глава первая АКРОБАТ

*Любимцу толпы, трюкачу, акробату
до смерти над смертью ходить по канату,
в пустых небесах деревень и столиц
плясать над прибором восторженных лиц¹.*

*Песня уличных цирков
герцогства Соланка*

— С дороги! — хмуро произнес Кин, мастер по жонглированию гирями, когда Тэо преградил ему путь.

— Ты мне еще спасибо скажешь. Остынь, — с миролюбивой улыбкой попросил черноволосый акробат, не двинувшись с места.

— Или что?! — с вызовом спросил тот, сжав большие кулаки. — Вы с Хенрином попробуете меня остановить?

Тэо был высоким, жилистым, крепким малым, ничуть не похожим на низкорослых акробатов большинства бродячих цирков. Кроме гибкости и ловкости в нем имелось достаточно силы, чтобы считаться с его словами. Но Кин не сомневался, что одолеет этого ловкого угря один на один и с его приятелем-фокусником легко справится.

Силач был мужиком не робкого десятка, он порой заменял больных борцов и выходил в круг в одиночку против троих зрителей из зала.

— Ничего. Твой фургон рядом, и Суви смотрит на нас.

— Скованный тебя задери, парень! — проворчал детина.

Если жена узнает, из-за чего весь сыр-бор, она ему житья не даст.

— Подумай сам, — между тем продолжал увещевать Тэо. — Кулаками все равно ничего не решишь. Хочешь наорать на него и обзвать сволочью? Ну, так мы первые тебя в этом поддержим.

— Угу, — кивнул Хенрин, тощий черноволосый фокусник с тонкими усиками под носом, говоривший с си-

¹ Здесь и далее — стихи Андрея Ширяева.

льным акцентом уроженца юга Дарии. — Но бить им рожи глупо.

— Ты видел, на что способны эти люди, — поддержал товарища Тэо, и его обычно улыбочливое, открытое лицо стало хмурым. — Хозяин нанял себе в охрану каторжников. Они мать родную убьют. Помнишь, что случилось с тем парнем, кукольным, когда он попытался украсть из фургона Малло серебряный подсвечник?

Кин очень хорошо помнил. Бедняге раздробили руки этим подсвечником, а затем выкинули на тракт, в самую метель.

— Я не кукольник, — все же прогудел силач, но уже как-то неуверенно, покосившись на свой фургон. — Не доходяга. Проломлю им бошки, если полезут.

— Убьешь их? — негромко уточнил Тэо.

— Если придется.

— Мы в городе, не забыл? Власти не спустят такого, и тебя упекут в самый сырой подвал. А потом повесят. Думаю, это очень обрадует твою жену.

Аргумент был железный. Акробат всегда говорил складно, и в его словах звучали разумные доводы.

— Скованный с вами! — сдался Кин, и его могучие плечи тут же поникли. — Будь проклят тот день, когда я отправился в дорогу с этим дрянным балаганом! Мне надо кормить семью! А эта скотина... Да что там! Сами с ним говорите!

Тэо сделал шаг в сторону, открывая дорогу. Силач, сопя, прошел мимо, а акробат и фокусник направились следом.

Возле большого ярко-красного фургона, самого богатого во всем цирке, под фонарями собирался народ. Владелец передвижного цирка Малло, еще не старый, грузный, с редкими золотистыми волосами на висках, стоял перед собравшейся труппой и говорил на повышенных тонах:

— Не будет сегодня выплаты! Расходитесь!

— Как это не будет?! — звонко крикнула уже немолодая канатоходка Тилла, с которой Тэо частенько работал в паре три сезона назад, во время летних выступлений по городам северной Соланки. — Мы отыграли представление, и публики было достаточно. Где их деньги?

— А ты считай не зрителей, а монеты, которые они бросают. Тех было прискорбно мало.

— Бургомистр Тавера оплачивал выступление! — поддержал Тиллу Калеб, новый кукольник. — В честь праздника.

На лице Малло появилось плохо скрываемое раздражение:

— А налоги? Вы забываете о них?! За то, что мы въехали в город, за то, что разместились на лучшей площади? Гильдии уборщиков, чтобы они убирали за нами. Мзда мошенникам, чтобы не трогали цирк. Купить еды льву и лошадям... — начал он нудно перечислять необходимые траты.

— Хватит, Малло! — оборвал его Тэо и вышел вперед под одобрителный ропот. — Все мы цирковые и прекрасно знаем, когда, сколько и кому платить. У тебя должны остаться деньги. И мы не собрались бы здесь, если бы ты зажулил их в первый раз. Но когда ты не платишь жалованье после пяти представлений, всем плевать на еду льву и лошадям. Нам, представь себе, тоже надо есть.

Владелец цирка нахмурился:

— Когда тебя выбрали главным, Тэо? Я должен отчитываться перед тобой?

— Перед нами! — поправил владельца цирка Хенрин. — Было бы неплохо, ну для разнообразия, чтобы ты наконец-то обрадовал труппу и выдал нам на карманные расходы.

— Это цирк уродов, фокусник! Люди в первую очередь идут глазеть на них. Потом на зверей. И только после на вас.

— Твои уроды лежат заспиртованные в банках и не просят жрать! — рявкнул Кин, вновь закипая. — Чем мне кормить жену и детей, сукин сын?! Твоими гомункулами, мумиями и куклами?!

Словно ощущая угрозу, за спиной Малло появилась троица мордovorотов-охранников.

— Если самое важное в твоём цирке диковинки, то пускай они смешат, поют песни, метают ножи и жонглируют, — предложил Тэо. — А мы не станем, раз наша работа тебе не нужна.

Его слова нашли горячую поддержку.

— Вы все подписали контракты! — между тем возмутился владелец цирка.

— Где написано, что нам будут платить после каждого выступления, — напомнила Тилла. — Пружина прав. Пока не отдашь причитающееся, пусть вкалывают твои уроды.

— Я думал, мы семья. Думал, вам важно выступать и радовать публику, — с деланой обидой произнес хозяин бродячего цирка.

Цирковые встретили эти заявления дружным хохотом.

— Ты нанял нас в конце зимы, в Лавеге. За такой срок никто не становится семьей, особенно когда родственников то и дело обманывают. — Тэо сложил руки на груди. — И да, нам важно выступать и радовать публику. Но наша работа ничем не отличается от любой другой. За нее следует платить, Малло. Возможно, заспиртованные уроды тебе об этом не рассказывали. Так послушай меня. Никто не будет корячиться, рисковать жизнью и здоровьем ради пустого удовольствия. Наш труд стоит денег. Научись его ценить или отправляйся к Скванному. Больше мы не станем работать на тебя бесплатно.

— Верно! — крикнула Мари. — Я ухожу. Сам корми проклятого льва!

— И мы тоже! — раздались голоса.

Некоторые даже повернулись, чтобы уйти.

— Ладно! Не надо горячиться! — сразу пошел на попятную Малло, поднимая руки в миролюбивом жесте. — Я найду деньги. Заплачу все, что должен.

— Когда? — негромко спросил Тэо.

— Завтра.

— Нет. Сегодня. Через час.

— Что?! — возмутился тот. — Ночь на дворе.

— А ночи в Варене темны и опасны. Кто поручится, что к утру тебя не ограбят? Тогда вся труппа опять останется без монет. Через час. А Кин с ребятами посторожат, чтобы никакой воришка к тебе не залез.

Малло скрипнул зубами, посмотрел с ненавистью и выдал из себя:

— Хорошо. Сегодня.

— Думаешь, он так это оставит? — Хенрин стоял возле колеса фургона, кутаясь в тонкий выцветший плащ. Лето заканчивалось, и в герцогстве Варен ночами уже было прохладно. — Малло та еще тварь. Больше своих уродов он любит лишь деньги.

Тэо сидел на ступеньках, и его светло-ореховые глаза

пытливо изучали бледные звезды, совсем недавно выступившие на небосводе.

— Ты прав. Я встречал таких людей, — негромко ответил акробат. — Затаят зло, ударят, когда этого не ждешь.

— Пора нам искать другую труппу. — Фокусник отрянул штаны. — Прежде чем произойдут неприятности и нас выкинут в метель. Уходим прямо сейчас.

Тэо дернул бровью и остался на месте, не торопясь следовать за товарищем:

— Обычно поспешные поступки тебе не свойственны.

— Я все обдумал. Ловить здесь уже нечего, это совершенно понятно. Дальше будет только хуже. Цирков много. Всегда найдем работу.

И снова Тэо даже не пошевелился, лишь напомнил:

— В Тавере у нас осталось одно дело.

— Я позаботился об этом еще днем, пока ты балансировал на канате.

Акробат выпрямился, посмотрел недоверчиво:

— Нашел покупателя так быстро? Серьезно? И сколько дает?

— Десять марок¹, — понизил голос Хенрин.

— Неплохо.

— Неплохо?! Клянусь Шестерыми! Это лучшая цена, какую только можно было получить!

Тэо чуть улыбнулся. Он знал, что его приятель не прав, в той же Рионе знакомые коллекционеры дали бы по крайней мере в три раза больше. Но сейчас они в герцогстве Варен, а не в Треттини. Северяне совсем иные люди. И чего уж теперь портить товарищу настроение, когда все решено. Акробат был не из тех, кто сидит да жалеет об упущенных возможностях. Он предпочитал двигаться вперед и находить новые.

Фокусник щелчком большого пальца отправил ему золотой кругляшок, Тэо ловко поймал монету.

— Это аванс. Остальное, когда принесем находку. Нас ждут через час в таверне «Злобный слепень».

¹ М а р к а — золотая монета, используемая на территории герцогств. 1 марка равняется 20 серебряным рен-маркам. Каждая рен-марка равняется 80 ултам, мелким разменным монетам.

— А вот это мне уже не нравится, — нахмурился Тэо. — Поздняя встреча в какой-то дыре.

— С каких пор тебя пугает ночь? — усмехнулся ловак. — Ты же не маленькое дитя, верящее, что во мраке скрываются шаутты. Да и таверна лучшая в городе. В такие места нас, бродячих артистов, в другое время в жизни бы не пустили.

— Вот уж о чем я точно не буду жалеть, — пробормотал акробат, в задумчивости кулаком потирая левую скулу, что обычно означало тревогу. — Кто покупатель? Благородный?

— Нет. Купец и антиквар.

— Если он скупщик краденого, то еще не поздно остановиться.

Тэо ненавидел рискованные предприятия. Точнее, ту их часть, которая связана с криминалом. Он ежедневно готов был рисковать жизнью, делая сальто на плохо натянутом канате, но этот риск был разумен и обоснован. В отличие от связей с кем-то вроде Ночного Клана, давно раскинувшего сети не только в Пубире, но и во всех герцогствах. Старый Квио, его первый учитель и владелец одного из лучших странствующих цирков, частенько повторял мальчишке, мечтающему стать акробатом:

— Можно вызвать из небытия асторэ, можно заключить сделку со Скованным. Это гораздо безопаснее, парень, чем водить шашни с Ночным Кланом. Мы цирковые. Мы семья. Они же крысы, продающие трупы собственных родителей и жрущие их, когда наступает голод. Связываться с ними себе дороже. Подобные люди без жалости уничтожат любого, если перейти им дорогу.

Фокусник тем временем возмутился:

— Нам дали аванс!

— Вернем его.

— Скованный с тобой! Хенрин никогда не отказывается от золота. Не беспокойся. Покупатель — антиквар с хорошей репутацией и серьезными клиентами. Понимающий в вещах эпохи Единого королевства. Я за него ручаюсь.

— Будь по-твоему. — Акробат встал со ступенек и вошел в фургон.

Тот был рассчитан так, чтобы здесь жили шесть, а порой и восемь человек. Целый передвижной дом, который в раз-

ное время был спальней, столовой, складом инвентаря и примеркой.

Летом душный, зимой холодный. Пропахший потом, артистической краской и тем множеством людей, что жили в нем, сменяя друг друга, многие годы. Тэо и Хенрин делили его с четверкой трюкачей из Савьята. Задиристыми, веселыми парнями, все время влипающими в драки.

Спальная полка акробата была самой верхней, под потолком, сделанным из плотной льняной ткани, пропитанной соком деревьев Туманного леса, где, по слухам, в былые времена жили мифические эйвы. Сейчас полка, как и все остальные, была пристегнута к стене, чтобы увеличить внутреннее пространство помещения.

Тэо повернул деревянную защелку, опуская свою кровать с тонким соломенным матрасом вниз. В стене обнаружилась небольшая ниша, в которой едва-едва помещался сложенный вещмешок. Акробат не любил зависеть от предметов и обрастать барахлом, предпочитая путешествовать налегке. Годы жизни в дороге и соседство с разными людьми научили его: не стоит привязываться к тому, что ты считаешь ценным. Оно крайне быстро и неожиданно для тебя может перестать быть твоим.

Хенрин забрал сумку, она была гораздо больше, чем у Тэо, из-за того, что там хранились важные для фокусника безделушки — коробка с двойным дном; «волшебная мантия» из ткани, которая не горит; мягкие шарики, для того чтобы они исчезли из ладони; шелковый платок; цветные веревочки; металлические кольца, спаянные между собой; нож с лезвием, прячущимся в рукоятку, и много другое.

Они не стовариваясь вышли на улицу, и Тэо подумал о том, что балаган уродов, в отличие от других цирков, в которых ему довелось работать, так и не успел стать его домом. Он с самого начала знал, что это временная мера, что следует возвращаться на юг, искать старых знакомых, готовиться к новому сезону, а может быть, рискнуть, понадеяться, что герцог забыл о его отказе, и выступить в Рионе в начале следующего лета, на глазах у самой лучшей и самой взыскательной публики страны.

Возле фургона, поглаживая мелкую рыжую собачонку, их дождалась Суви, жена силача Кина. Массивная, призе-

мистая женщина с покатыми плечами и крепкими руками. Она была некрасивой, даже отталкивающей, но доброй, и Тэо с ней ладил. Рядом стояла ее старшая сестра Сай — упитанная, уже успевшая поседеть, немного похожая на лягушку.

Сай работала в цирке предсказательницей и гадалкой, но того особого и редкого дара, что позволяет людям видеть будущее, у нее не было. Она надувала простаков и становилась общительной только во время работы, за столом, перед хрустальным шаром. В другое время из нее нельзя было вытянуть и слова. Порой женщина молчала днями, до тех пор пока цирк не приезжал в новый город и не надо было начинать забирать медные улты у наивных жертв.

— Решили уйти не попрощавшись? — Суви подняла на них темно-серые глаза.

— Не люблю слезливых расставаний, — улыбнулся Хенрин, закидывая сумку на плечо.

— Как будто по вам станет кто-то рыдать, — проворчала та, опуская на землю собаку, которая со звонким лаем забегала по кругу, радуясь свободе. — Я сказать пришла. Спасибо, что остановили моего дурака. Он частенько сперва делал, потом думает... Куда вы теперь?

— Еще не решили. — Тэо вложил в ее широченную ладонь золотую марку. — Купи детям еды, если этот жулик так и не выдаст денег.

— Я не могу, это много... — запротестовала та, но вернуть монету у нее не получилось.

— Конечно можешь! — беспечно отмахнулся Тэо. — Это всего лишь деньги! Здесь и на теплую шаль для Сай хватит.

— Сай, скажи что-нибудь, — подтолкнула свою неразговорчивую сестру Суви. — Это ведь ты твердила, что тебе сюда надо прийти.

Та поежилась и неохотно, не глядя на них, произнесла довольно писклявым голосом:

— Уезжайте. Как можно дальше и скорее. Ночь не даст вам ничего хорошего, мальчики.

Хенрин ухмыльнулся, хотел сказать о том, что предсказания актрисы, которая играет гадалку, довольно забавны, но не стал:

— Конечно. У нас именно такие планы.

— Скажите всем, что мы желаем им удачи. — Тэо направился прочь первым.

— Еще увидимся, — помахал двум женщинам Хенрин и пошел следом за товарищем.

Сай лишь печально покачала головой, глядя ему в спину.

— У тебя богатая душа, Тэо.

— В смысле?

— Целую марку подарил, — с неодобрением произнес фокусник и тут же добавил: — Конечно, это твои деньги, трать как считаешь нужным. Но полновесный золотой...

— Монеты нужны для того, чтобы их использовать, а не хранить в кубышке.

— В своей жизни я встречал довольно много людей, которые говорили точно так же, как ты. Вместо того чтобы скопить на безбедную старость, они пускали сбережения по ветру. Или ты хочешь убедить меня, что о будущем не думаешь и собираешься сверзиться с каната и расшибиться в лепешку о мостовую ради доставления примитивной радости зевакам? — с иронией спросил Хенрин.

— Я не падаю с каната, — резонно возразил ему Тэо, и это было абсолютной правдой. — Это здесь?

— Да.

Таверна «Злобный слепень» Пружине понравилась сразу. Большое четырехэтажное здание, окутанное теплым светом, с хорошим просторным подъездом, чистой территорией, большой конюшней и множеством слуг. Вокруг респектабельные дома зажиточных горожан. Никаких темных переулков, грязных притонов и развалившихся сараев окраин.

Акробат был уверен, что здесь нет ни клопов, ни блох. Никто не подсунет кислого вина, мяса умершей на дороге лошади. Или собаки. Никто не воткнет стилет в почку и не свернет нос во время пьяной кабацкой драки.

Все чинно и благородно. Для людей, знающих себе цену и не испытывающих нужды в марках.

Разумеется, их остановили у входа. Двое вежливых охранников. Удивительно вежливых, особенно если оценить их габариты и то, как были одеты гости.

— Мест нет, — сказал один Хенрину. — Если желаете хорошую кухню и пива, вниз по улице до «Пляшущего огня». Там будут счастливы путникам. И цены добрые.

— Я бы с радостью последовал твоему совету, но нас ждут здесь, — так же вежливо ответил фокусник. — Господин Талед Гор назначил нам встречу.

Охранник распахнул дверь:

— Сразу бы сказали, господа. Прямо до лестницы, последний этаж. Он снял кабинет для деловой встречи. Дверь с вырезанным на ней кабаном.

Пока они поднимались по широкой дубовой лестнице, Хенрин смотрел по сторонам, довольно улыбался да пораженно хмыкал, изучая стоящие на перилах кованые пузатые фонари.

— Когда-нибудь и я так заживу, приятель. Чудесная одежда, красивая девка, подбострастные слуги и полный кошелек прекрасных золотых монет.

Тэо, в отличие от товарища, окружающая роскошь, ковры, бархат и хрусталь не удивляли. Он выступал не только на уличных площадях, но и в богатых домах, а однажды даже во дворце герцога Треттини, и вдоволь насмотрелся на роскошь, которую считал даже более бесполезной вещью, чем конский навоз. По мнению акробата, позолоченные панели на стенах и чаши, выточенные из горного хрусталя, — это бездумная трата марок обожравшимися золотом богатеями. И деньгам можно было бы найти применение намного разумнее и полезнее.

Оказавшись на этаже, Хенрин без стука распахнул дверь, на которой искусным мастером был вырезан свирепый, дышащий паром вепрь, настоящее исчадие той стороны.

— Вы удивительно пунктуальны, — сказал толстый человек с красным лицом и блестящим от пота лбом.

От Тэо не укрылся внимательный взгляд, одышка и то, с какой осторожностью тот ставит ноги, подходя к ним. Словно был не уверен, что дубовый пол выдержит его немалый вес.

— Люблю, когда продавцы оправдывают ожидания. Это твой друг?

— Да, господин Гор.

— Хорошо. Хорошо. Садитесь. Вино. Фрукты.

Он пригласил их к столу, где стояла ваза с фруктами, а также несколько бутылок игристого савьятского вина с этикетками, на которых был нарисован лев — символ этого герцогства.

— Если вы голодны, я могу заказать что-то более существенное, — подмигнул антиквар, и его огромный живот заковылялся, словно бы в предвкушении всех блюд и деликатесов, что умели готовить повара чудесной таверны.

— Благодарим, но это не стоит вашего беспокойства, — ответил Тэо, подходя к окну и глядя на крышу соседнего дома.

Хенрин с удовольствием налил себе вина, предложил товарищу. Акробат, которому с детства внушали, что пьянящая ягода мешает концентрации и портит координацию, едва заметно качнул головой, отказываясь.

— Могу я взглянуть на находку? — Антиквар потер ладони.

Фокусник подвинул тяжелое блюдо с фруктами, освобождая место, с улыбкой, немного театрально, как он привык, когда показывал один из своих чудо-номеров, положил на стол тяжелый сверток.

Господин Гор машинально вытер полные ладони об одежду, развернул тряпку, извлекая на свет статуэтку девушки, сделанную из темного металла. Ее одежда напоминала туман — столь невесомой и воздушной она казалась. Руки сложены, пальцы переплетены в какой-то сложной фигуре, правая грудь обнажена. Головы у статуэтки не было — она оказалась отколота.

Покупатель громко цокнул языком, и Тэо не смог понять, чего в этом звуке больше — удивления или скепсиса. Он следил за тем, как пухлые пальцы покупателя осторожно касаются фигурки, поднимаются от ног все выше и выше, по складкам одежды, по плоскому животу, на мгновение замирают на груди. Было видно, что руки от статуэтки антиквар оторвал с некоторым усилием.

Он достал из внутреннего кармана камзола чехол, извлек из него тяжелую оправу, в которую было заключено крупное, хорошо отполированное стекло, поднес его к глазу, придирчиво изучая товар.

— Ты был прав, Хенрин, — сказал господин Гор, когда Тэо уже подумал, что тот заснул над своим стеклом. — Ста-

рая работа. Год не определю. Возможно, первое десятилетие после Катаклизма. Каноническое изображение Арилы, обманувшей Скованного и наказанной им за это. Вы ведь знаете легенду?

— С детства не люблю сказки об асторэ, — улыбнулся Хенрин. — Предпочитаю деньги.

— Конечно. — Антиквар хотел протянуть кошелек фокуснику, но явно вспомнил, что у некоторых людей этой профессии слишком ловкие руки, и сам стал извлекать из него золотые монеты и укладывать в столбик перед друзьями. — Две марки вы уже получили как задаток. Вот еще восемь. Все верно?

Он дождался кивка Тэо и вновь стал ощупывать попку, словно желал обнаружить скрытую пружину. Делал он это поспешно и немного суетливо. Хенрин забрал себе четыре монеты, ребром ладони подвинул оставшиеся товарищу, и тот убрал заработок в маленький, незаметный кармашек на поясе.

— Жаль, что статуэтка не целая. Я дал бы большую цену, если бы вы нашли голову, — пробормотал антиквар.

Тэо внезапно стало противно смотреть, как потные пальцы лапают девушку, не пропуская ни одной ложбинки и выпуклости, и он кивнул партнеру, показывая, что пора уходить.

— Где вы ее откопали?

— Далеко, — немного хмурясь, ответил акробат.

— Не думал, что это такая тайна. — Покупатель вытер рукавом потный лоб.

Хенрин встал, и в этот момент дверь распахнулась от резкого толчка, с грохотом врезалась в стену, и в кабинет ворвались люди. Первый вошедший сразу бросился к Тэо, но тот опередил его — сильным ударом в лицо свалил на пол.

Однако больше сделать ничего не успел. Острие четырехгранного короткого клинка впилося ему в кадык, и циркач застыл, понимая, чем грозит сопротивление.

— Проткну как лягушку! — хрипло предупредил его тип, правая щека и лоб которого оказались изуродованы шрамами, которые остаются у людей после огненного поветрия.

— Спокойно. — Тэо поднял руки вверх, показывая, что не собирается совершать глупости. — Не стоит спешить...

Тот, кому он дал в лицо, лысый ириастец, судя по его чуть раскосым глазам, встал и нанес короткий, но болезненный удар в живот акробату.

— Тварь!

— Хватит! — раздался резкий окрик, и больше ударов не последовало.

Тэо умел справляться с болью, в трупках всегда удивлялись, почему он почти не чувствует ее после изнурительной тренировки, неудачного падения, драки или ожога. Остается на ногах, смеется и шутит. Вот и сейчас он выпрямился, ощущая, как слабо ноет в животе и отступает тошнота.

Здоровый детина в плаще могучей лапой прижал тщедушного Хенрина к столу так, что у того покраснело лицо. Еще двое в камзолах, при узких мечях и в шляпах с перьями, стояли у дверей. Тот, кто остановил избиение — рыхлый, невысокий, с рыжеватыми волосами и тяжелой нижней челюстью, благоухал духами и держал в руках кружевной батистовый платок.

Он был ровесником Тэо, но выглядел лет на пятнадцать старше. С высокими залысинами, тяжелыми складками в углах рта и животом, который не мог скрыть даже просторный камзол из дорогой дарийской ткани. В свете фонарей и свечей она искрилась, стоило ему лишь пошевелиться.

— Господин Гор, надеюсь, я не опоздал?

— Вы как нельзя вовремя, милорд.

Благородный поднял вверх два сложенных пальца, и один из мужиков у дверей бросил на стол тяжелый кошелек, гулко звякнувший при приземлении.

— Это компенсирует ваше время и лояльность моей семье.

Антиквар суетливо и не слишком умело поклонился, забрал деньги, с сожалением посмотрел на вожденную статуэтку и, ничего не говоря, вышел. За ним сразу закрыли дверь, и один из слуг предупредительно подвинул стул для милорда.

Тот сел, несколько секунд разглядывал товарищей, затем предложил:

— Присаживайтесь.

Громила тут же отпустил Хенрина, и тот закашлял. Лысый острием оружия показал Тэо на свободную табуретку.

«Вот тебе и приличная таверна», — подумал тот. Против шестерых с оружием сделать он все равно ничего не мог.

— Знаете, кто я? — негромко спросил благородный.

— Нет, господин, — ответил Хенрин и охнул, получив от здоровяка неожиданную затрещину.

— Милорд! — поправил тот фокусника.

— Я Иан Эрбет, сын Язева Эрбета... — Поняв, что это имя циркачам ни о чем не говорит, лишь хмыкнул. — Всегда тяжело общаться с приезжими, не так ли, Клаус?

— Да, милорд, — поддержал господина черноволосый, похожий на волка мужчина в широкополой высокой тарашийской шляпе.

— Вы приходите в Тавер, но совершенно не соблюдаете приличий. Знали бы вы, как я устал от этого, — с печалью произнес Иан Эрбет.

— Если мы что-то нарушили, то лишь по незнанию, милорд, — вежливо ответил Тэо. — Мы ни в коей мере не желали оскорбить вас или вашего достойного отца.

Человек прищурился:

— Неплохая речь для бродячего артиста. Но, к моему сожалению, незнание законов города не освобождает от ответственности. И наказания. Я с самого детства не люблю, когда у меня воруют.

— Вы ошибаетесь, милорд, — ровным тоном ответил Тэо, думая о том, что в такой нелепой ситуации он еще ни разу не оказывался. — Я не вор.

Иан Эрбет рассмеялся, и его смех послушно подхватили слуги.

— О да. Ты всего лишь бродячий дурак, пляшущий на веревке для неразборчивых деревенщин. — Улыбка пропала с полных губ благородного господина почти так же внезапно, как и появилась. — Но скажи мне тогда, почему эта бесценная вещь здесь?

— Мы нашли ее.

— Где?

— Заброшенный карьер на окраине Тавера.

— Вот как. — Мужчина откинулся на стуле. — И почему же искать стали там?

— Часть песчаной стены обвалилась после дождя, под ней я увидел старую кладку, — неохотно ответил Тэо. —

Тонкие обожженные кирпичи. Обычно в таких местах попадаются интересные вещи.

— В наблюдательности тебе не откажешь, артист. — Господин Эрбет подвинул статуэтку к себе. — Обожаю редкие предметы ушедших эпох. Теперь ты понимаешь, насколько я зол из-за вашего воровства?

— Разве земля принадлежит вам, милорд? — быстро спросил Хенрин.

— Карьер находится в городской черте. А все, что есть в Тавере, принадлежит моему отцу, а значит, и мне. Мы хозяйева этого города. И, взяв что-то, пускай оно и пролежало в земле тысячу лет, вы взяли у нас.

Фокусник вздохнул и, понимая, что проще отдать проклятую находку, чем лечить сломанные ребра и ноги, смиренно произнес:

— В таком случае я и мой товарищ приносим свои извинения за это недопонимание. Мы не хотели оскорбить вас. И просим принять статуэтку в качестве дара.

— О, это очень любезно с вашей стороны, — с нехорошей усмешкой протянул господин Эрбет. — Подарить мне то, что и без того принадлежит мне.

— Чего вы хотите, милорд? — хмурясь, спросил Тэо. — Компенсации?

— Вот! — обрадовался благородный. — Вот что я хотел услышать! Ты сообразительный малый, циркач. Компенсация. Это хоть как-то исправит ситуацию, из-за которой я по вашей милости пропустил чудесную пьянку. И получу я ее... вот прямо сейчас.

Он указал пальцем на Хенрина.

Тэо пропустил удар, вздрогнул, когда на его щеку попали горячие капли крови, а затем, взревев, попытался вскочить. Но не тут-то было. Сразу двое слуг, тяжелых, массивных, словно медведи, повисли у него на плечах, прижали к табурету, зафиксировали руки.

Акробат боролся, напрягая мышцы, одновременно с обоими, каждый из которых был тяжелее его, справиться не смог. Ему оставалось лишь рычать от ярости и отчаяния, точно загнанному в ловушку зверю, видя мерзкую ухмылочку благородного ублюдка, сидевшего напротив.

Он сражался до тех пор, пока кровавая пелена не растек-

лась перед глазами и стало понятно, что сопротивляться не имеет смысла.

Наконец его отпустили, но он чувствовал, мордovorоты стоят за спиной, намереваясь вновь скрутить, если он позволит себе хоть один резкий жест.

— Может, вина? — участливо поинтересовался господин Эрбет. — А то ты как-то побледнел.

— Благодарю, — хрипло произнес Тэо, чтобы потянуть время.

Хлопнула пробка, лысый слуга сперва налил хозяину, затем пленнику. Тэо смотрел, как темная алая жидкость льется в бокал. Уж чего-чего, а пить ему сейчас совершенно не хотелось.

Страшный удар шипастой дубинки проломил череп Хенрину, и теперь фокусник, навалившись на стол, заливал его кровью. Лужа из-под головы мертвого растекалась все больше, уже коснувшись основания статуэтки.

Господин Эрбет пригубил напиток, вытер уголки губ платком, небрежным жестом указал на труп:

— Он явно думал, что я расстанусь с вами просто так. А все совсем непросто, артист. Отпускать людей, которые украли у тебя, — проявление слабости. А человек моего положения не может себе позволить быть слабым. Сразу теряешь уважение.

— Тогда почему вы не убьете меня?

— А ты так спешишь на ту сторону? — поднял тот едва видимые брови и, не дождаввшись ответа, победно улыбнулся. — Так я и думал. Знаю такую породу людей, как ты. По глазам видно, что хочешь жить.

Он подвинул статуэтку к себе, не обращая внимания на кровавый след, оставшийся на столе. Протянул руку, в которую слуга вложил сверток, развернул его, и Тэо увидел, что это голова, отлитая из того же металла, что и его находка.

— Я обнаружил ее в том же карьере. Больше десяти лет назад. — Эрбет осторожно пристроил свою часть сокровища к шее, раздался глухой стук, словно камень ударился о камень.

— Хм... — Прищурившись, благородный господин осмотрел восстановленную статуэтку. — Удивительно. Даже трещины не осталось. Держится, словно ее заново отлили.

Он попытался разъединить собранное, напряг руки, но у него ничего не получилось.

Тэо впервые видел Арилу такой. Он привык, что лицо девушки всегда скрыто полумаской. Здесь же она приветливо улыбалась, словно встретила старого друга, и акробат невольно отметил, насколько красивой ее делает улыбка. Ради такой, пожалуй, можно было пробежать над пропастью, уничтожить Грим-ар-дэн, северный оплот шауттов, а затем развязать Войну Гнева.

— Прекрасна, не так ли? Но не хватает одного нюанса. Именно из-за этого ты все еще жив. Оправдай мои надежды, артист. Скажи, что я ищу?

— Маску.

— Обожаю не ошибаться в людях. Каноническое изображение Арилы — девушка в маске. Как каноническое изображение Скванного — мужчина в плаще, из-под которого виднеется оборванная цепь. Тиона никто не может представить без веера, Нейси без меча, Гвинта без крысы, Лавьенду без зеркала и так далее. Можно перечислить хоть всех великих волшебников. У них есть символы. А символ Арилы — маска. Так ее изображали наши предки, так рисуют, отливают и лепят до сих пор. Понимаешь ли, циркач, по легенде, никто не должен видеть ее лицо. Чтобы она не могла искусить, как искусила Тиона. Я же считаю, что у первого скульптора не хватило фантазии изобразить Арилу и он попросту спрятал ее лицо за маской. Все остальные лишь глупо повторяли за ним.

Тэо было все равно, что считает этот человек, к тому же Арила не искушала своего мужа, но он кивнул, соглашаясь с такой версией.

— По маске всегда можно определить мастера и год, когда создали работу.

Тэо прекрасно знал и это.

— Без такой важной детали Арила не представляет для меня интереса. Поэтому твоя жизнь зависит от правильного ответа на простой вопрос: куда вы дели недостающую деталь?

Акробат облизал языком пересохшие губы и сказал осторожно, словно ступая по тонкому льду:

— Мы нашли лишь тело, милорд.

Господин Эрбет нахмурился:

— Тело? Боюсь, я ошибся. Твое желание жить не так уж и сильно. Завтра в сточной канаве найдут не один, а два трупа!

— Стойте! — быстро сказал Тэо, чувствуя движение за спиной. — Могу я взять ее, милорд?

— И что ты хочешь увидеть? — Благородный жестом дал своим слугам понять, чтобы не торопились.

— Если была маска, то, выходит, ее создали отдельно, лицо ведь цело. Значит, мастер должен был сделать крепежи. И если их нет, то это воистину удивительная находка, милорд.

— Чем же?

— Возможно, вы являетесь владельцем первого и единственного настоящего изображения Арилы, которое сотворил ее современник. Тот, кто видел ее.

Его слова заставили господина Эрбета задуматься:

— Интересное предположение, не скрою. Особенно если отбросить факт, что Арила всего лишь миф, древняя сказка. Шаутты с тобой, артист. Рассматривай. Мне даже любопытно, как ты станешь уверять меня, что твоя теория верна.

Он протянул через стол фигурку с заляпанным кровью основанием. Тэо осторожно взял ее, с удивлением отметив, что металл едва теплый, хотя раньше так не было. На мгновение у него потемнело в глазах, и он почувствовал под лопаткой ноющую боль. Спустя секунду Пружина справился с нею, аккуратно, подушечками пальцев, ощупал голову, пытаясь обнаружить в роскошных густых волосах малейшую трещинку, за которую неизвестный мастер мог бы зацепить маску. Но ничего не находил.

— Милорд, я знаю о старых вещах, которые лежат в земле. Когда я еще был мальчишкой, в моем первом бродячем цирке один старик научил меня распознавать их. Он рассказывал множество историй. И уверял, что... Скованный! — Он отдернул руку.

— В чем дело?!

— Обжегся! Она горячая, милорд!

— Не мели ерунду! — Раздраженный господин Эрбет привстал, протянул руку к статуэтке, но схватить ее не успел.

Внутри прекрасной Арилы что-то щелкнуло, и металлические пальцы пришли в движение, сложившись в новую, еще более сложную фигуру. А затем в комнате погасли все свечи, словно кто-то резко подул на них, и свет остался лишь в двух висящих на стене бронзовых фонарях, огоньки которых были защищены стеклом.

Внезапно пламя в них задрожало, стало опадать, точно ему не хватало воздуха, но выпрямилось, мигнуло и сменило цвет на ярко-синий.

Тэо ощутил, как чуть сладковатый дым, который испускали фитили погасших свечей, щекочет ноздри, и ошарашенно смотрел на происходящее вокруг него.

— Невозможно! — наконец сказал господин Эрбет. — Мы не в Летосе! Твои фокусы, артист?!

Пружина хотел рассмеяться на столь глупое обвинение, но лишь покачал головой, не сводя взгляда с синего огня, о котором он столько слышал, но надеялся, что никогда не увидит. Благородного его молчание лишь разозлило:

— Шутить со мной вздумал?! Лок! Перережь ему горло!

Двое снова навалились на плечи, прижали руки к столу. Тот самый, кого Тэо свалил ударом в лицо, достал из ножен кинжал, шагнул к акробату.

— Последний шанс! Скажи, как ты это сделал! — заорал Иан Эрбет.

Дым от фитилей, тяжелым пологом висящий в воздухе, внезапно загустел, потемнел, «стек» на стол и закрутился вокруг фигурки девушки, стал ее волосами, упал плащом на плечи, сложился в меч, который держали хрупкие изящные руки.

Лок так и не успел ничего сделать. Краем глаза Тэо заметил, как нечто сотканное из теней, похожее на лохматого паука, бросилось человеку на спину, подмяло под себя, заглушив вопль. Упругий черный жгут мрака выстрелил из дальнего угла, схватил за шиколотку одного из тех, кто держал акробата, рванул на себя, с грохотом повалив на пол, а затем утянул под стол, из-под которого раздался один нескончаемый и бесконечный крик боли.

Второй мордоворот сам отпустил Тэо, сделав шаг назад.

В большой комнате разворачивался ночной кошмар.

Крики, вопли, неразбериха, темные тени, оживающие по углам, тугой фонтан крови, ударивший в потолок.

Канатоходец оттолкнулся от пола, прогнулся назад, встав на руки, а затем снова на ноги. Сейчас он делал то, что подсказывало его тело. Обратный фляк¹, затем еще один, потом аэриал². Ловко и быстро. Циркач двигался легко и пружинисто, сразу отпрянув от стола как можно дальше.

Черный жгут из мрака бросился ему наперерез, извиваясь точно змея, заблокировал дверь. Акробат резво отпрянул вправо, разминувшись с мечом уцелевшего слуги, взбежал по стене, сделал обратное сальто с одновременным вращением тела. Оказавшись на ногах, не раздумывая прыгнул прямо в окно, выставив перед собой предплечья, чтобы защитить лицо от брызнувших во все стороны осколков стекла.

В звоне приземлился на широкий карниз и взвился в воздух снова, на крышу соседнего здания, более низкого, чем постоянный двор.

Промелькнул узкий черный переулок, навстречу ринулась бордовая черепица, и Тэо, чтобы смягчить удар, сделал кувырок. Вскочил, обернувшись назад как раз в тот момент, когда с карниза следом за ним прыгнул человек.

Тэо хватило доли секунды, чтобы понять — неловкий толчок, грузная фигура, слабые ноги и неудачная траектория не дадут тому достичь желаемого.

Господин Эрбет ударился о крышу грудью, тут же соскользнул вниз, в последний момент уцепившись изрезанными руками за выступающее вперед перекрытие.

— Помоги мне, артист! — крикнул он, не в силах подтянуться. — Помоги, и я обо всем забуду!

Акробат, поколебавшись, шагнул к нему, приняв решение. Посмотрел на творожно-белое лицо, думая о том, что с Хенрином они были знакомы без малого два года, а теперь тот мертв.

— По глазам вижу, что ты хочешь жить, — произнес Тэо

¹ Фляк — акробатический прием. Толчок с ног, запрокидывание назад, встать на руки, а затем на ноги.

² Аэриал — акробатический прием. Колесо, выполненное без опоры на руки.

фразу, которую не далее чем пять минут назад сказали ему, и с силой наступил на толстые пальцы.

Раздался короткий вскрик, а затем глухой удар.

Акробат не удержался, поднял взгляд, увидел на фоне синего прямоугольника окна силуэт. В следующее мгновение он уже что есть сил бежал прочь, легко перелетая с крыши на крышу, желая оказаться как можно дальше от таверны. Тэо думал, что его воображение слишком сильно разыгралось и человеком в окне никак не мог быть Хенрин.